

Духовность, как гармония, и гармония, как проблема

Сложность рассказа о духовности заключается в том, что это звучит, как морализаторство, за этим как бы не чувствуется практической основы, некой простой бытийной основы. И даже онтологической основы, потому что поверхностная правда жизни говорит вроде бы об обратном; и только опыт жизни, наполняющий собой причинно-следственные конструкции (шаблоны), заставляет понимать глубинную практичность духовных принципов. Но на словах это передать трудно. Без примера, без живой практики жизни, без жизни традиции и культура, и духовность теряют свое живое слово, свое воздействие. Каждый индивид начинает воспроизводить этот опыт самостоятельно. Что правильно и является следствием свободы. Но для развития социума этого недостаточно. В социуме не должна прерываться преемственность, цепочка опыта. Опыт должен быть адекватно описан и адекватно передан.

Так через что входящему в жизнь можно показать духовность, как лежащую в основе мира? Как рассказать о духовности в нашей современной школе? Не «школе», в которой знание и традиция передавались самой жизнью, личным примером, а школе, в которой знания передаются словом, как информация. Как передать (перепоручить) в таком случае духовность. Давно сказано, что духовность не в слове, но в деле. Но если всё же словом, то какие ориентиры, критерии, какие формальные образы, посредники могут утвердить понимание духовности? Какие символы в прагматичную эпоху будут иметь силу и притяжение для рационального ума?

Представляется, что понимание гармонии может приблизить к пониманию духовности. Пониманию духовности может способствовать осознание «предустановленности гармонии». Осознание общности и представительности миру 4-х постулатов, приведённых выше. Осознание своего восприятия, как ответственного и смыслового, то есть вносящего в мир конкретное влияние и отвечающее миру в своей смысловой квадрате. То есть осознание квадратичности познания, как проявления системной этики мира.

То есть, если на словах, то через описание гармонии, пронизывающей мир, через осознание гармонии, через формулирование всеобъемлющей гармонии. И следовательно через некие формальные принципы и постулаты. Но остается вопрос следования гармонии...

Суть гармонии в том, что она отражает внутренние процессы бытия. Суть гармонии в том, что она внутренняя, а не внешняя. Её нельзя просто выучить. С изучением её должен меняться и ученик. Но это не гарантия, что с субъектом будет это происходить. Такое постижение естественно происходит в творчестве, в самостоятельном приобщении к миру. Обучение же постулатам гармонии на словах не приводит автоматически к гармонизации субъекта. В этом проблема гармонии, проблема для наблюдателя. К гармонии приобщиться внешне нельзя. Можно преподавать уроки гармонии. Но приобщение к ней – это каждый раз личный процесс, это переживание. Человек должен сначала перестать быть просто пользователем.

Вот так точно пишет об этом Юрий Черепихин в тексте «Логика и этика Единой жизни».

Считается, «что идеи целостности и гармонии мира могут войти в сознание человека через идею золотого сечения. Это действительно может произойти, но только в том случае, если в центр научной парадигмы поставить не идею гармонии как таковую, а идею гармоничного человека».

...Признаем, что настоящее изменение сознания человека может наступить лишь в том случае, если перед ним засияет совершенно конкретная ЦЕЛЬ ЖИЗНИ, которая его и поведет новыми тропами. Эта цель не может быть «идеологической» или «философской» выдумкой, но – природно-естественной, «антропологической», единственной и главной для человека. Может ли Золотая Пропорция быть целью человеческой жизни? В том философско-математическом контексте, который предлагают сегодня специалисты из данной отрасли, очевидно нет. У них пока не заметно стремления к глубокому изучению человеческой природы. Рассуждения пока ведутся лишь в плоскости формально-логических схем, в них нет жизни. А этого совершенно не достаточно для «запуска» идей гармонии в общественном сознании.

Древние греки поступали несколько иначе. Свои научные изыскания они начинали именно с определения ЦЕЛИ ЖИЗНИ (см., например, «Золотые стихи» Пифагора). Появлялся четкий «вектор жизни» – вектор жизненных устремлений, появлялось ощущение сопричастности с

жизнью Космоса, своей личной ответственности за эту жизнь. И если принципы гармонии древние мыслители и относили к неким «мировым константам», то они ясно видели, что цель человеческой жизни не только и не столько в том, чтобы *познать* эти константы, но *достигнуть* их в своём личном опыте. Можно сказать, что путь формализации принципов гармонии у них лежал исключительно «через человека». При этом учитывалось, что человек – это не просто «думающая машина», а существо со сложной многоуровневой организацией сознания. И недаром символом Школы Пифагора была пятиконечная звезда – символ гармонии человека...

...Ни естествоиспытатель, ни философ, ни богослов до сих пор не пришли к однозначным выводам о цели жизни, о её смысле. Одни – вообще таких вопросов не ставят, другие – «мудрствуют лукаво». А потому на сегодняшний день естественно-научная парадигма мира у человечества очень «неестественна», т.к. не включает в себя ни понятия жизни, ни, тем более, её цели и смысла. Из единого списка «естественных» законов выпали одни из самых главных. Поэтому с такой наукой и выходит парадокс: наука развивается, а общество загнивает...

Но давайте подумаем: можем ли мы говорить о гармонии и справедливости в обществе, где царит такая «научная парадигма»? Можем ли мы с такой парадигмой относиться к категориям добра и зла в объективном ключе? Ведь откуда берутся эти понятия? Очевидно, из подчинения нашей жизни некой «генеральной» цели. И не из чего более. Мы движемся к определенной цели, и все, что сопутствует этому пути, мы называем добром, а все, что препятствует ему – злом. Но если у человечества нет единой, объективной, природно-обусловленной цели, то ее просто выдумывают, исходя из личностных и корпоративных – национальных, религиозных, идеологических, «научных» и др. – интересов. Поэтому в таком обществе трудно и невозможно говорить о справедливости, порядке и гармонии. Нет природно-обусловленной цели жизни, нет ясно различимого пути к ней, нет объективных критериев справедливости, нет «естественной» науки в гуманитарной области, нет порядка в обществе.

...Только рассматривая мир как единый живой организм, который на путях своего развития достигает некую глобальную цель, мы можем говорить об объективности и научности ЦЕЛЕ-сообразующих понятий справедливости и нравственности: всё, что подчинено главной цели жизни – справедливо и нравственно (целесообразно); всё, что идет вразрез этой цели – несправедливо и безнравственно (нецелесообразно).

Появляется цель – появляется путь к её достижению. Появляется путь – появляется мера отклонения от него. Появляется мера – появляется возможность строгого анализа. Появляется анализ – появляется «точная» наука в гуманитарной сфере. Появляется наука – появляется реальная возможность государства устремить общество к жизни по законам Космоса – по законам гармонии.»

Итак, преподавание гармонии без воспитания гармоничного человека и без наличия цели движения к Богу, принятой обществом, невозможно. И в таком преподавании количество также переходит в качество. Осмысление принципов гармонии необходимо проводить в разных предметных областях, в разных преподаваемых предметах. То есть конкретный разговор о гармонии в максимальной полноте проявлений бытия, предложение соответствующего внимания и дискурса, предложение соответствующих конструктов и будут вести к целостному ощущению системности гармонии и выдвиганию этого требования к себе. Оставаясь в единой картине мире, объединять их можно общими категориями «Целостности-Полноты-Конкретности». И эти же категории будут выводить к этике.

Мир исходно нравственен¹, и гармония, как предустановленная, не может с этим расходиться. Общая задача познания гармонии – привлечение принципов гармонии на сторону добра

¹ Как было всегда и в очередной раз, когда появилось внимание к этой теме, и когда уже был написан этот текст, стало «приходить» подтверждение, установление... И через текст А.Кинсбургского оказалось выйти на текст Моисеева В.И. «Нравственная кинематика Владимира Соловьева» (<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02020116.htm>). В нем читаем:

«Русская философия – это такой тип философствования, в котором нравственное начало есть лишь наиболее яркое выражение нового понимания онтологии. В центре образа бытия в такой философии находится субъект-бытие, т.е. бытие существ, и даже само бытие осмысливается как существо. Быть – значит, жить. И нравственность в этом случае приобретает звучание фундаментального знания о субъектном бытии, так что главное даже не в нравственности самой по себе. Главное заключается в постижении нового типа онтологий, субъектных онтологий, с точки зрения которых может быть по-новому увидена любая проблема. И тогда нравственность – это не одна из форм регу-

и правды, внутреннее постижение принципов добра. Для наличия у Субъекта новых аргументов добра, внутренних аргументов. Это – нравственная максима гармонии. Гармония не может быть индифферентна этике. И это отношение должно рождаться внутренне.

Чтобы доброе все не называть добром. Чтобы не появлялось в результате зло. Вспомните Дао-Дэ-Цзин. И вспомните «недеяние».

Смирение – это не пассивность. И недеяние – не пассивность. Качество смирения – это служение. А служение не может быть нарочитым; оно – конкретно, целесообразно, полезно. Но вот только целесообразность и полезность – не в самостяжании, а в следовании целостности и полноте. В недеянии же, как определенном качестве субъекта, целостность-полнота-конкретность достигаются совершенно, «само собой», нерационально...

Боюсь, триада «Целостность-Полнота-Конкретность» тоже будет превращена в рационалистическую игру. И всё потому, что опять поймут внешне. Триада «Целостность-Полнота-Конкретность» опять станет каким-то рациональным конструктом, лекалом, нормативом. А это должно быть чувством.

«Целостность-Полнота-Конкретность» – это не просто критерий для анализа какого-то творения на гармоничность; хотя это и можно делать в отношении каких-то объектов, *обнаруживая* проявления триады. Это – описание состояния творящего из своего мира для гармоничного воплощения замысла. Это требование к восприятию субъекта, к психологии субъекта. И в этом – решение «проблемы» гармонии.

Здесь едва ли можно доверять уму как механизму. Ум сам по себе без ценностных критериев лукав. Его самооправдание создает иллюзию решений, бесцельную пустоту и новые циклы тупиков и искусственных конструкций. И такой ум – не конкретный, он просто болтливый. Конкретность ума – это отражение, проявление единства слова и дела, это отражение той простоты и изящества, которые отвечают миру.

И здесь есть важный момент, соединяющий онтологию и духовность, бытийность и нравственность. У неискаженной конкретности, у конкретности, взаимосвязанной в триаде гармонии, есть отличающее её качество – стыд. Человек тогда по настоящему конкретен, когда сохраняет возможность стыда, ощущение стыда, как некий камертон и компас, ощущение внутреннего резонанса (или разлада) между собой и чем-то данным, высоким... Это ощущение из детства. Стыд идет от ощущения взаимосвязанности, целостности. И настоящая конкретность невозможна без целостности. И через это она связана со счастьем. *Человек не может быть счастливым, потеряв стыд, потеряв совесть.* Он может иметь удовольствия, как получение того, что хочется; и так по кругу. Но не имеет с-частья, не имеет того возвышенного ощущения соучастия в целостности своей личности, своих смыслов... Вот такая получается цепочка от нравственного состояния человека к эффективному социуму...

Без сердца всё омертвляется. Потому и говорили наши деды о последнем, что могло пронять, как о страхе Господнем, об ответственности перед судом Божиим... И здесь проявление духа, видится в реализации целостности, восприятие Абсолюта основывается на восприятии целостности мира; и восприятие себя – не просто как суверенной единицы или суверенной части мира, но части бытия, имеющей смысл.

лирования отношений частного класса существ (людей), но выражение наиболее полного знания о бытии субъектных онтологий вообще, учение о законах мира-субъекта, составленного из различных субъектов-частей, вступающих между собою в многосложные онтологические отношения. Тогда – да, русская философия – это философия в первую очередь нравственная, но только принципиально меняется само понятие нравственности. Так, по форме все как-будто остается прежним, но суть меняется качественно. И «Оправдание добра» Вл. Соловьева – это именно такое качественное преобразование, вплоть до переворачивания, этой сути нравственности. Из приписка объектных онтологий – в фундаментальное знание о субъектном бытии.»

Мир основан на Нравственности. Он – глубинно, системно этичен. Чтобы это увидеть, совсем не обязательно оказаться в крайних ситуациях, не обязательно, например, чтобы судьба поставила в условия концлагеря, как это случилось у В. Франкла. Надо просто видеть всё полно и целостно, открыто и искренне, по доброму и честно. И дело здесь как раз не в запретах и кодексах, не в пресе морализаторства или «облагораживании культурой» (приводящих в фрустрацию). Это вторично. Это следствие уже разорванной целостности, следствие уже вымороженных положений.

Квадра, в которой познающим субъектом выражается смысл феномена, размещается в ортогональных осях, в кресте осей. Смысл, осмысленность – задача и крест человека. И образно, и буквально...

Смысл, осмысленность – это и опора, и крест человека. Ведь мало оказывается требования смысла. Смысл также легко может становиться слугой самых эгоистичных интересов, интересов в ущерб всему окружающему. Поэтому вопросы настоящего смысла невозможны без вопроса о благе/пользе жизни, как и далее невозможны без совести. Об этом говорил ещё В.Франкл: «Совесть – орган смысла.»

Главным качеством человека оказывается различение добра и зла, данное нам от рождения. Неспутывание того и другого в разном, и всецелое, безизъятное стояние на правде и добре – это исходное. С ними и сила прибудет. Как не раз завещали нам предки.

Ещё раз повторим: формальное понимание гармонии станет ли гарантией и не станет ли проблемой? А оселок здесь прост: к себе или другим относить требования смысла и гармонии?! Следуешь сам или следишь за другими?.. Кстати, этим то «ложь» и использует в своих интересах «правду». И надо просто знать это манипулирование. При неизбежности такого общения (прежде всего в политике) надо только скрупулезно, точно и строго установить правила, по возможности всё детализировать, разъяснить все различия, подходы, толкования и принципы, дать всему свои имена. И вот здесь точно и строго следить за исполнением. Здесь о гармонии не может быть речи. Здесь «правит параграф».

Человек является субъектом, а не пользователем. Этот онтологический уровень и снижается: сначала западной философией, потом и западным повседневным (обыденным, бытовым) мироощущением, и уже межчеловеческими отношениями и в отношении к человеку вообще.

Гармония, как духовность – выбор добровольный, свободный. Формальными механизмами не решаются эти вопросы, но создаются условия для различения и условия/направления следованию гармонии/духовности. Это можно и нужно делать.

На сайте «Академии Тринитаризма» неоднократно публиковались тексты Юрия Черепанина, посвящённые вопросам духовности, и именно с позиций её роли/места в обществе, с позиций, так сказать, её научности, её практичности. Суть их – в доказательстве тождества Духовности и Разумности. Можно назвать 3 особенно чётких, программных текста, опубликованных в 2007 году. Это – «Нравственность – как научная категория» (<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161325.htm>), «От формальной логики к логике сердца» (<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161395.htm>) и «Процесс познания. Тезисы и комментарии» (<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001c/00121656.htm>). Разумность, эта обратная сторона нравственности и духовности, наиболее близка по мироощущению с гармонией. Им нужны и общие понятия, общий язык.

Различение добра и зла у человека – врождённые. Духовное здоровье – конкретно лично. Конкретность – это и единство слова-дела. Здесь конкретность/искренность непосредственно связано с целостностью. А полнота восприятия (непредубежденность) связана с открытостью человека. Здесь искренность/открытость являются средой (эфиром) Целостности-Полноты-Конкретности человека.

Может быть главное в воспитание – это сохранение врождённого и самобытного в процессе познания полноты мира, что и позволяет формировать целостную картину мира.

Воспитание – это воспитание отношения, воспитание отношения к миру в целом. Отношение к миру и себе в нем передано в русском языке нашими предками. Это мы увидим дальше в 3-х «онтологических» русских словах.

Триада «Целостность–Полнота–Конкретность» – одна из множества других триад, показывающих «силы», формирующие феномен. Известны, например, такие триады:

Жизнь	–	Стремление	–	Молитва	" <i>проявление Брахмана</i> "
Истина	–	Справедливость	–	Долг	" <i>Дхарма</i> "
Добротолюбие	–	Справедливость	–	Правда	" <i>основы Святой Руси</i> "

Не читайте здесь механично. Почувствуйте гармонию каждой триады и их взаимосвязи. Почувствуйте неразрывность единства, жизнеспособность единства. Воспримите полноту левого слова, его полное качество через призму 2-х правых. Почувствуйте, как все три составляющих вместе и содержат полноту и целостность понятия, устойчивость, адекватность и жизнеспособность понятия. Почувствуйте и содержание жизнеспособности человека...

Мы говорили о понятии/смысле, раскрываемом целостно и полно триадой конкретных слов, триадой содержаний. Но есть слова, как форма, вмещающая несколько содержаний вместе. В русском языке – это важные слова: «мир», «воля» и «доля». Когда произносишь такое слово, когда смотришь в это слово, то ощущаешь, как бьется в нем глубинный смысл, важный аспект смысла бытия: 3-х сторонний, 3-х сущностный...

Русское слово «мир» имеет 3 значения. Мы все знаем их: мир, как пространство, вселенная; мир, как общество, мир людей, но и мир книг и т.д.; мир, как мирность, согласие. Это слово удивительно триедино в этих значениях: форма (пространство) – содержание (отношения, например «мир книг») – согласие (покой).

Совершенно не зря в русском языке слово «воля» имеет не одно значение. Когда-то пытаясь понять смысл (значение) привнесенного понятия, русское сознание связало его содержание с имевшимся словом «воля». Это слово уже несло смысл простора (слова «простор» и «простота») – самые русские слова по построению букв) и свободы. И не просто обособленной свободы, а слияния внутренней и внешней свободы, состояния слитности и гармонии, состояния цельности/полноты. Народ был внимателен к смыслам и совершенно не случайно придавал одному слову вроде бы разные значения. В таком объединении смыслов одной формой содержится для потомков понимание важнейших черт глубинного национального характера, национального мировосприятия (могу только ещё раз указать на разницу обобщающих смыслов у значений слова «лицо» и слова «the face»). Слово «воля», как «упорство-желание», не имеет смысла без состояния цельности/полноты, без стремления дела/пользы, без открытости, без доброты. В этих перечислениях – цепочка адекватных смыслов...

Не менее интересно русское слово «доля». В нем есть 2 прямых смысла: участь/судьба и часть. Кроме того, как «дол, доле», оно имеет смысл «имеющее продолжение». Как снова паразитично глубоко связаны эти понятия!.. Интересное такое соединение: «судьба, как часть» и «часть, как судьба». И здесь рядом – «воля». Связь 2-х первых смыслов слова «доля» со словом «воля» не только угадывается. А и содержится прямо, формально через «дол» – долина, простор; и далее видоизмененное «даль». Свобода от судьбы и свобода воли... Такое ощущение, что «доля» – это ключ к правильному пониманию человеком смысла «воли». Это вторая половина, составляющая полноту/целостность смысла, его адекватность. Судьба – не как рок, а как часть, взаимосвязь с чем-то, кем-то. И «воля» – не как самость, а как стремление..., то есть «нечто», связанное с благом. И свобода – не ото всех и всего, а во взаимосвязи..., с общей судьбой и благом.

«Оторванность» – это не свобода. И «отмороженность» – не путь настоящей воли. А личность невозможна без вечного собственного создания свободы... Творчество – и есть воссоздание свободы. Свобода дается нам изначально. Человек всю жизнь и восходит из нее.

Воля и доля – это уравнивающие друг друга антитезы. Они обе реальны для любого человека. Для человека нет только одного или только другого. "Соединение" воли и доли происходит через взаимодополнение, необходимое, чтобы они не ушли в абстракцию, чтобы за ними сохранилось реальное содержание...

Назову эти три пары противопоставленных смыслов в словах воля и доля. Простор (даль) и Часть (доля); Свобода (удаль) и судьба (юдоль); Упорство (вопреки, поперёк) и Смирно (доле², вдоль). Давая в целом для слова «воля» личностное содержание (персональности,

² В Даосизме есть такое понятие – «человек долины». «Дольно» – это смиренно; «доление» – смирение. Желание «дальше» вызывается упорством, а чтобы «дольше» – надо терпение; «даль» и «доля», как пара – это и 2 синергичных координаты – пространство и время!... (Вообще, в русском языке произношение звуков «а» и «о» смешивается, а характерные диалекты выделяются, как «а-кающие» и «о-кающие».) А вместе эти «координаты» принадлежат и структурируют «мир».

В этих смысловых рядах можно почувствовать содержание аналогично построенного слова «даление» – упорство, вспомнив при этом «удаление», как «уход от», «отход», и как «ликвидация»; или «дально» – упорно... И можно ещё вспомнить греческое «*rognos*» – развратник, распутник...

Одоление пути, одоление врага, одоление себя... Вслушайтесь в слово «одоление». Это слово имеет качество внутреннего действия, прежде всего. Одоление имеет отношение к внутреннему действию и требует сначала внутренней собранности. Преодоление, превозмогание – то, что за одолением, после одоления; оно что-то оставляет сзади. Одоление – это длительное достижение через внутреннее напряжение/собранность. В отличие от подавления. Одоление – это достижение через собранность/смирение... Потому что смирение – это не пассивность, это – служение. Можно ли сказать, что о-

«во-свои»); а для слова «доля» - содержание «в едином». Именно оба содержания создают жизнеспособность.

Не надо искать логическое обоснование или «примеры из жизни» в соединении «воли» и «доли». Здесь – постановка реального содержания бытия для человека в этом мире, и она заключается в служении. Это действительно другой пласт нежели политика, политология, etc. Истина – не на этой поверхности, где сталкиваются слишком много разных аспектов; где используется логика, но между только тем, что понято или принято... Отсюда – много слов и бесконечность анализа. Надо глубже брать... Искать здесь надо не логическую связку. А увидеть данность... Возразить же мне безусловно можно – увидев какие-то натяжки смыслов...

Кроме того, слова «мир»-«воля»-«доля» образуют общую смысловую триаду.

Слова «воля» и «доля» взаимобратны, взаимодополнительны. И оба они – в слове «мир». «Мир» содержит в себе и волю (пространство/даль), и долю (отношение/юдоль), и согласие. «Мир» раскрывается в воле, в доле и покое. Широта «мира» примиряет «волю» и «долю».

«Мир»	–	«Воля»	–	«Доля»	триада три-сущностных слов
Форма (пространство)	–	Содержание (отношение)	–	Согласие (покой)	русское слово «Мир»
Простор (даль)	–	Свобода (удаль)	–	Упорство (вопреки, поперёк)	русское слово «Воля» (во-свои)
Часть (доля)	–	Судьба (юдоль)	–	Смирению (доле, вдоль)	русское слово «Доля» (в едином)

Можно видеть также и то, что русским «онтологическим» понятиям «мир-воля-доля» соответствуют категории «целостность-полнота-конкретность». Воля, конечно, в каждом акте конкретна; но обращенная к миру, она – сама по себе – претендует на полноту, на весь мир. Также как доля, обращенная к миру, довольствуется конкретным.

Русским «мир-воля-доля», как триаде, можно сопоставить «жизнь-стремление-молитва». Можно сопоставить также общепринятые понятия «справедливость-свобода-долг (или - солидарность)», которые, как триада, раскрывающая качество первого слова – справедливости, напоминают о триаде «дхармы»: «истина-справедливость-долг», и устанавливает соотношение между «свободой» и «истиной». Последнее – тем более, если вспомнить слова Писания: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными».

И мы снова пришли к пониманию свободы...

На форуме сайта «АПН» после одного текста стали спорить о политическом смысле свободы. О свободе самой по себе, как некой отдельной ценности. «Форумисты» бросались в крайности. И бросались словами. Как всегда на без-личных форумах, всё кончалось «переходом на личности». И хотя это слово «свобода» имеет смысл только в связи с человеком, самого человека, его природу/смыслы и соответствующее истинное содержание слова никто не рассматривал. Не рассматривались и данные нам в русском языке эти смыслы... Я извинился, и привел цитату о смысле воли в неразрывной для человека смысловой триаде «мир-воля-доля»... И среди многих горячечных слов откликом на этот «пост» одного из активных участников стало одно лишь слово – «Спасибо»... Одно нормальное слово. Среди стёба и ругани. «Спаси-бо».

Ох, уж эти бесконечные политические споры, выражающие только интересы, но не суть человека, не его взаимосвязи!.. Что же делать человечеству с его либеральной парадигмой, с соответствующим сложившимся пониманием экономики и социальных механизмов? Пора, уже пора выходить из детства, пора прекратить жить одним текущим интересом и одним днём, и в этом видеть счастье и понимать свободу. Пора смотреть дальше, за пределы сиюминутного своего интереса.

А русский язык будет нам опорой. Да и не забудем (чтобы не обмануться и правильно понимать, чтобы правильно общаться), что язык моделирует сознание...

доление – это «о-смирение»?... И есть ещё «одолевать» – надоедать, навязывать, не давать покоя, лишать воли; а «одолять» – это наделять...

Через несколько месяцев в библиотеке передо мной оказалась книга: С.Т.Алексеев «Россия: мы и мир». Глава, посвященная языку, была первой после постановочной главы. Невозможно не привести здесь отрывки из этой книги.

«Всякий язык, как и могучая река, собирается из притоков. Наши прапредки именно так и понимали этот процесс, поэтому слова «речь» и «речка» – однокоренные. И мало того, однозначны слова *устье* и *уста*...

...ЯЗЫК – ЯЗ-ЗЫК, переводится на современный буквально как «МОЙ ГОЛОС». (Великая певица Людмила Зыкина не случайно унаследовала голос и фамилию.) Отсюда выходит слово «ЗЫЧНЫЙ» (зычный голос – масло масляное), отсюда же название важной части голосового аппарата (и главной для членораздельной речи – А.С.) – *языка*, с помощью которого мы производим звуки. И отсюда же много позже произошло общее название древних религий – язычество, то есть буквально *моление, пение голосом, взывание*, а вовсе не «природность», как представляется современным лингвистам. Если погрузиться ещё глубже в археологию этого слова, то знак «З» (впрочем, как и Ж, и Г) означает ОГОНЬ. То есть ЗЫК – *огненное*, знойное, жаркое слово к высшим силам.

...Совсем недавно мы обращались друг к другу так, как и несколько тысяч лет назад, – *сударь, сударыня* (о молодой женщине), *сударушка* (о пожилой). А над нами был страшный брат – *государь*. «СУ-ДАРЬ» – в буквальном смысле «сущий, пришедший с даром», с добром, с добрым словом. Чувствуете, как открывается магия?

...Для того, чтобы отыскать истинную причину угасания священного огня родной речи, следует открутить виток и вернуться к его началу, ибо *зерно Предания там*. И – в виде квинт-эссенции, в состоянии семени, – но это уже доминанта, содержащая в себе *будущее развитие* процесса и его результат. Как и в случае с Дмитрием Донским и его сыном Василием, где первый подготовил почву, а второй посеял зерно будущей Империи, так и здесь: Алексей Михайлович расколол неприемлемое для Империи «древнее благочестие» и принял новый греческий обряд, а его сын Петр довершил дело отца – «ритуально» *разорвал собственно Язык*, расчленив его своим указом на две части – *церковный и гражданский*.

Да, речь в реформаторском указе идет вроде бы только о светском письме, то есть, казалось бы, о *знаковом способе начертания слова*. Прежний «кирилловский» полуустав остался в сфере духовной, и появился некий новый гражданский шрифт. Однако при этом совершилось отделение духовного языка от обыденного «гражданского». А человек того времени никогда сам себя *не делил на две ипостаси существования*, обладая религиозным сознанием, не отчленял *быт от бытия* и, наоборот, осмысливал себя цельным везде – в трудах праведных, в битвах ратных и перед аналоем. К тому же великорусский язык всегда был *письменным языком*, и традиция эта уходит во времена глубокие, дохристианские, а вовсе не к явлению на Русь младосущих братьев-болгар, взявших за основу «кириллицы» более древнюю азбуку (точнее одну из существовавших азбук). Отсюда и *бесконечная вера* в написанное, а точнее, *начертанное слово*, ибо прежде писали *чертами* и резами, отсюда *священность книги*, отношение к ней как к живому организму, который *может умереть, если книга долго не читается*...

...Что же произошло с мироощущением русского человека, с его *религиозным сознанием*, тогда ещё существующим, хотя и потрясённым предыдущим Никонианским расколом? А порвалась тончайшая, ныне не ощущаемая материя *цельности души и разума, чувственности мысли*. Быт отодрали от бытия, словно кожу с живого человека. Был создан прецедент, позволяющий человеку раздваиваться, жить одновременно по гражданскому и духовному закону, по совести и по уму. (...Природу современных революций и бунтов следует искать здесь; экономические и социальные предпосылки вторичны...) И случилось это потому, что великорусский язык не просто средство для общения с людьми и Богом – это прежде всего *мировоззрение*, тот самый *хранитель и блюститель* этнопсихологии. ...*Не общее образование и не ученость, а уровень владения языком определяет уровень сознания*.

...Многие мыслители интуитивно тянулись к познанию языка, ибо только чарующая магия его способна к творчеству – возжечь огонь и трепет мысли.

В начале было Слово!

...И самое главное слово – *творчество*, возникло от превращения *Тверди* (исходного начала существования человека) в *Ар* (возделанную пашню, «воскресшую» землю; отсюда – *ариш*, а потом – *крестьяне*). Твар, тварение или творчество – это *возжигание жизни* на безжизненной тверди, то есть прорыв, огненное соединение замкнутого земного цикла и Космоса.

...Владение родным языком – *ключ к сознанию и познанию мира*, к той самой чувственной мысли, чаще называемой несколько затасканным ныне словом *духовность*.

Нынешний русский человек, оказавшийся в языковом вакууме, однако интуитивно жаждущий мыслить (самый захудалый русский мужичок непременно философ), мыслит более всего образами... Пресловутая мрачность нашей нации (потому и мрачны, что ещё не нация, что ещё не обрели себя, не обрели потерянное – А.С.), как бы ее ни пытались взвеселить всевозможные «кривые зеркала», продиктована в первую очередь неспособностью или невозможностью выразить словом переполняющие её под-сознание мысли. И в этом морочном вынужденном молчании таится мощная взрывная сила...

...Даром называется единственная из многих способность, которой обладает человек, – **ДАР РЕЧИ**. Магия этих двух слов, бережно сохраненная языком, уходит в ту глубину тысячелетий, когда люди ещё помнили, *Чей это Дар.*»

И далее Сергей Трофимович пишет.

«Воля – понятие первичное, сочетающее в себе природную независимость, личностную самостоятельность и силу характера. ...Вольным можно остаться даже сидя в темнице, ибо воля – это состояние сознания. ...Только вольный человек не подвержен какому-либо влиянию извне. Воля, Справедливость в совокупности с Совестью – основные составляющие способности к самоорганизации.

...Состояние духа вольного человека всегда обременено активным чувством справедливости. ...Справедливость («пра ведать», где пра(правь) – высшее, небесное, божественное) – это и есть ЛАД, который призваны творить власть имущие... «Владеть» – это вовсе не властвовать, как сейчас понимается, а буквально делать лад, *в ладе деять*, потому и «владыка» – не бесконечный властитель чего-то, но человек, способный творить лад, приводить в порядок, одухотворять.

...Сверхзадача *Духотворного Мира* в том, чтобы не властвовать в мире, не *владычествовать*, но *владеть* им, то есть творить ЛАД, уравнивать...»

То же тройственное и понятное русскому определение воли. И эта тропинка побежала дальше. Итак, ещё раз: Воля – и приобщенность пространству, и самостоятельность, и состоятельность (характер). Стоятельность – это устремленность, а стояние – это не просто переминание на месте, это стремление; как в противостоении. А что такое тогда настоятель? Вообще настоятель – он прежде всего хранящий и передающий какую-то традицию, или принадлежность чему-то; то есть это человек, устремленный к утверждению принадлежности, традиции. «На» – это принадлежность, часть чего-то; например, на-род. Итак, стоятель – это устремленный.

А как же тогда обозначить через «стремление» 3-ю составляющую «воли», как «приобщенность пространству»?.. Ещё раз посмотрим слово «простор»... А ведь в просторе мы упускаем вторую координату, он ведь и вширь, и ввысь! И смысл общего стремления в простор здесь наиболее полно выражается, как направленность ввысь, к небу, *в небо*. А такая направленность, как пишет С.Т.Алексеев, обозначалась нашими предками, как *пра* или *пре* (например, правда или престол). Тогда третья составляющая звучит, как *пре-стоятельность*! И такое слово с таким смыслом действительно есть – Пре-стоятель. Патриарх Церкви – пре(д)-стоятель паствы перед Богом.

Воля – это одновременно и неразрывно 3 стремления: стремление себя (самостоятельность), стремление общей пользы (состоятельность) и стремление духа (пре-стоятельность). Для «демократии» достаточно первых двух смыслов, для «либеральной демократии» – вообще только первого; но для русской воли необходимо *пре-стояние* в триединстве стремления.

Человек существует в 3-х ипостасях: для себя, для общества, для Бога. В теле, в душе, в Духе. В конкретности, в полноте, в целостности. Воля идёт (от чего?) от своего смысла, (куда?) к достижению цели/пользы, (зачем?) ради высшего блага. Извечный русский вопрос нашего Иванушки-дурачка: «А зачем?»...